

Г л а в а I X.

Приготовленія къ войнѣ съ Турцией. Передвиженіе мобилизованного полка въ г. Ананьевъ. Смотры Генераль-Инспектора у ст. Жеребково и Государя Императора у ст. Бирзулы. Объявленіе войны. Казанцы входять въ составъ передового отряда Г.-Л. Гурко. Переправа у Зимницы черезъ Дунай. Дѣла у с. Башакъ, гор. Тырновѣ; набѣгъ полк. Бѣлогрудова—къ д. Кадыкію. Ханкіойскій переходъ. Дѣла у Твардицы, Уфланли, Казанлыка. Разрушеніе станиціи Каяджикъ *).

Около 8 ч. вечера 2 Ноября 1876 года командиромъ полка была получена телеграмма изъ Штаба Округа слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ войска Харьковскаго военного округа привести на военное положеніе и первымъ днемъ мобилизаціи считать 2 число сего Ноября мѣсяца“.

По возвращеніи полка 18 Сентября изъ лагернаго сбора подъ г. Чугуевымъ, по желѣзной дорогѣ, эскадроны расположились на зиму: 1-й въ с. Медвѣжьемъ, 2-й въ гор. Ромнахъ, при штабѣ полка, 3-й въ с. Коровинцахъ и 4-й въ м. Смѣломъ. Отдыхомъ послѣ довольно труднаго кампамента не пришлось воспользоваться, такъ какъ, въ виду вѣроятности скорой войны съ Турцией, командующій дивизіей генераль-маіоръ Половцевъ, отдалъ еще въ началѣ Октября приказъ о заготовленіи подковъ для заднихъ ногъ строевыхъ лошадей; въ своеемъ присутствіи дѣлалъ строевыя проѣздки полку, а также обратилъ вниманіе на тѣла и содержаніе лошадей, возвратившихся домой въ довольно слабомъ состояніи, особенно въ 1 и 4 эскадронахъ.

Не смотря на это, телеграмма 2-го Ноября, для большинства была полной неожиданностью; всегда однообразный и скучный городъ тотчасъ оживился: во всѣхъ домахъ, даже и неофицерскихъ квартирахъ, зажглись огни; вѣсть, что полкъ уходитъ на войну, быстро распространилась по Ромнамъ; все засуетилось и заходило,—въ квартиру командира полка, потребовавшаго къ себѣ тотчасъ адъютанта, вскорѣ прибыли почти всѣ чины полковаго штаба за приказаніями. Пол-

*) Источники: Приказы по полку; дневникъ вольноопр. Прянишникова. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, Леера.

Очеркъ дѣйствій Западнаго отряда дѣйств. арміи, подъ нач. ген.-адъют. Гурко. Полковника Епанчина.

Исповѣдь кавалериста, ген.-м. Бѣлогрудова.

Мещерскій, «Сборникъ военныхъ разсказовъ» Зыковъ, т. I, III и II.

ковникъ Корево, объявивъ о мобилизациі, тутъ же выразилъ надежду и увѣренность, что „теперь полку придется доказать свою прежнюю боевую славу и помѣряться съ врагомъ“. Тотчасъ было приступлено къ приготовленіямъ для выступленія полка въ походъ.

На другой день утромъ были командированы подполковникъ Бѣлогрудовъ и капитанъ Мацневъ—за пріемомъ лошадей отъ населенія, а три младшихъ офицера—командантами на ст. Ромны, Новый-Бугъ и Валки.

Вскорѣ стало извѣстнымъ и объявлено въ приказѣ по полку 5 Ноября, что Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій назначенъ главнокомандующимъ Южной арміей, въ составъ коей поступаютъ войска Харьковскаго военнаго округа. Проѣзжая черезъ Харьковъ, главнокомандующій передалъ командующему войсками, что генералы, штабъ и оберъ-офицеры могутъ не брать съ собой въ походъ парадной формы, ни сюртуковъ и маленькихъ сапогъ, а имѣть одну походную форму—всегда и вездѣ.

Съ 6 Ноября приступлено къ отточкѣ шашекъ и штыковъ; 7-го начата ковка строевыхъ лошадей на переда; 8-го выдано новое обмундированіе по сроку 1877 года, учебная команда распущена по эскадронно; полковой архивъ, библіотека, дивизіонная кузница, состоявшая при полку, огнестрѣльныя припасы сданы Роменскому воинскому начальнику.

9-го Ноября эскадроны сосредоточились къ штабу полка и временно размѣстились: 1-й въ предмѣстьѣ Засульи, 3-й въ пр. Працовкѣ и 4-й въ д. Лазовой.

Каждому строевому рядовому было выдано: фуражка, галстукъ, рубашекъ—3, подштанниковъ—2, сапогъ—2 пары, шароваръ—2, мундировъ—2, шинель, поглушки и китель, а также куплены въ каждый эскадронъ самоваръ, чайники по 1-му на взводъ и кружки. На каждого нижняго чина, по числу 16 рядовъ, выдано по 40 боевыхъ патроновъ къ винтовкамъ системы Крынка.

10-го Ноября принято отъ населенія въ г. Ромнахъ 71 подъемная лошадь, которыя и подкованы кругомъ. 11-го полковой лазаретъ закрытъ и трудно больные сданы въ городскую больницу.

Г.г. офицеры полка также дѣятельно готовились къ походу; на выданные подъемные деньги пріобрѣли теплые вещи, выюки и походныя кровати, нѣкоторые завели себѣ пальто изъ сѣраго солдатскаго сукна.

Обыватели г. Роменъ приняли дѣятельное участіе въ проводахъ полка. Представитель города городской голова Семенчиновъ отъ имени всего общества предложилъ на прощанье нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки и угощеніе, а всѣ офицеры были приглашены на завтракъ.

18 Ноября полкъ въ 16 рядномъ составѣ со штандартомъ, имѣя во фронтѣ всѣхъ офицеровъ, съ обозомъ, прибыль къ 10 $\frac{1}{2}$ утра на Роменскую площадь и построился развернутымъ фронтомъ, по эскадронно на три фаса, для напутственного молебна. Все городское духовенство съ хоругвями и крестами со всѣхъ церквей, представители города и большая толпа народа вышли на плацъ проводить Казанцевъ.

Послѣ молебна полкъ прошелъ церемоніаломъ шагомъ по взводно подъ звуки своего полковаго марша, затѣмъ нижніе чины получили угощеніе отъ города, а всѣ офицеры были приглашены въ общественное собраніе къ часу дня на завтра.

До поздней ночи Роменцы чествовали своихъ отѣзжающихъ въ походъ офицеровъ. Много было сказано прочувствованныхъ рѣчей и тостовъ. Каждый изъ отѣзжающихъ завтра, можетъ быть навсегда, сознавалъ всю торжественность этихъ проводовъ.

На другой день 19 Ноября полкъ пятью эшелонами выступилъ по желѣзной дорогѣ изъ г. Роменъ, согласно краткаго квартирнаго расписанія дѣйствующей арміи, черезъ г.г. Курскъ, Харьковъ, Полтаву, Елисаветградъ на ст. Бирзулу.

Съ 1-мъ эшелономъ выступилъ 1-й эскадронъ: офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 188, лош. 170, пов. 3.

Со 2-мъ—2-й эск.: офиц. 6, нижн. чин. 188, лош. 171, пов. 3; съ 3-мъ—3-й эск. и штанд.: офицеровъ 7, нижн. чин. 188, лош. 172, пов. 3; съ 4-мъ—4-й эск.: офицер. 5, нижн. чин. 188, лош. 170, пов. 3; съ—5-мъ, штабъ, командиръ полка, трубачи и обозъ: офиц. 16, нижн. чин. 85, лош. 125, пов. 21.

25 и 26 Ноября эшелоны благополучно прибыли на ст. Жеребково, откуда въ тотъ же день походнымъ порядкомъ прослѣдовали въ г. Ананьевъ, Херсонской губерніи, временное мѣстопребываніе 9 кавалерійской дивизіи, до дальнѣйшаго движенія войскъ заграницу.

Во время передвиженія полка по желѣзной дорогѣ нижніе чины получали чай отъ общества Краснаго Креста.

До Декабря въ эскадронахъ приналегли на строевую подготовку, очень часто производя проѣздки.

3-го Декабря полковникъ Струковъ, по приказанію главнокомандующаго, произвелъ смотръ полку и нашелъ его во всѣхъ отношеніяхъ въ отличномъ состояніи, а 11-го—корпусный командиръ генералъ-лейтенантъ Криденеръ также, въ числѣ другихъ полковъ дивизіи,—смотрѣлъ полкъ. Въ началѣ Декабря прибылъ вновь назначенный командующимъ дивизіей генералъ-маіоръ Лашкаревъ.

Въ день новаго 1877 года командующемъ дивизіей генераломъ Лашкаревымъ была отправлена изъ Кишинева телеграмма главнокомандующему, чувствовавшему себя въ то время больнымъ, слѣдующаго содержанія: „9-я кавалерійская дивизія имѣеть счастье повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества свое поздравленіе съ новымъ годомъ, и, возсыпая отъ искреннихъ сердецъ нашихъ теплыхъ молитвъ ко Господу во здравіе Ваше, надѣется, что Всевышній даруетъ скорое и полное выздоровленіе незамѣнимому главнокомандующему и Великому Князю нашему“. Вскорѣ былъ полученъ отвѣтъ: „генералъ-маіору Лашкареву. Сердечно благодарю за поздравленія и добрыя пожеланія, прошу передать чинамъ вѣренной вамъ дивизіи, что глубоко тронутъ и утѣшены ихъ преданными чуствами и сердечнымъ участіемъ. Николай!“

Телеграмма эта была прочитана во всѣхъ эскадронахъ и командахъ, при громкихъ крикахъ „ура“.

15-го Января новый командующій дивизіей знакомился съ полкомъ, произвѣль смотрь по эскадронно и нашелъ состояніе ихъ отличнымъ. Для изученія правилъ порчи и разрушенія желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій, 7 Марта въ Киншиневъ, въ З саперную бригаду, по 2 Апрѣля были командированы 32 нижнихъ чина (1 взводъ) при 2 офицерахъ подъ начальствомъ капитана Подольского.

Съ 10-го Января (прик. дѣйств. арміи 12 Янв. № 3) разрѣшено младшимъ офицерамъ и штабнымъ кавалерійскихъ полковъ отпускать фуражныя деньги на вторую лошадь. Получены выписанные офицерами шашки и револьверы, а также сумки и бинокли (пр. 9 Ар. Кор. № 29, 26 Февр.), которыхъ, къ слову сказать, или не было вовсе, или, если и имѣлись, то къ бою мало пригодныя.

7-го Марта великій князь Николай Николаевичъ Старшій у ст. Жеребково произвѣль смотрь дивизіи.

Въ 11 час. 33 м. утра поѣздъ съ Великимъ Княземъ подошелъ къ вокзалу. Почетнаго караула не было. Невдалекѣ была выстроена дивизія. Главнокомандующій, поздоровавшись и объѣхавъ полки, пропустилъ ихъ по эскадронно церемоніальнымъ маршемъ. Стройно проходили молодцы драгуны мимо своего главнокомандующаго; каждый экадронъ заслужилъ „спасибо“ Великаго Князя. Послѣ церемоніала были собраны командиры полковъ, эскадроновъ и всѣ офицеры. Великій Князь тутъ же изволилъ выразить, что полки нашелъ въ прекрасномъ состояніи, особенно Казанскій. „При прохожденіи частей я любовался многими офицерами того полка и спрашивалъ у командира полка ихъ фамиліи“. На другой день въ приказѣ по полку было объявлено, что такими счастливцами были капитанъ Толмачевъ I и прапорщикъ фонъ-Мейеръ II, бывшій въ замкѣ за полкомъ.

По возвращеніи со ст. Жеребково, полкъ съ усердіемъ принялъ за строевые занятія, чemu благопріятствовала погода.

Ежедневно занятія производились съ $9\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$ час. утра и съ $4\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ час. вечера. Приступлено къ обученію Ѣздѣ врознь и сбору, уравниванію аллюровъ, обращено вниманіе на дозорныхъ, аванпостную службу, высылку разъѣздовъ близкихъ и дальнихъ; каждое ученье заканчивалось сквозными атаками. Брали барьеры галопомъ, канаву—въ карьеръ. Проходили справа по одному въ карьеръ съ рубкой и пальбой. Проѣзду обозу производилась подъ наблюденіемъ завѣдывающаго хозяйствомъ подполковника Бѣлогрудова. Офицерами решались задачи въ полѣ, съ представленіемъ кроки.

10-го Апрѣля въ 4 час. дня на ст. Бирзула, куда была вызвана дивизія, полкъ въ числѣ другихъ частей (31 пѣхотная и 9 кавалерійская дивизія съ артиллеріей и обозомъ) удостоился представиться на смотръ Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру II Николаевичу и заслужить „царское спасибо“.

Государь изволилъ найти полкъ въ отличномъ состояніи, особенно 4 эскадронъ (нынѣ 6-й), за что генераль-маюру Лашкареву выражено Монаршее благоволеніе (прик. № 111, 11 Апрѣля).

Послѣ смотра, собравъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ, Императоръ Александръ II со слезами на глазахъ говорилъ о варварствѣ и звѣрствѣ турокъ, вынуждающихъ Его взяться за мечь, на защиту своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ болгаръ, о скорби, которую Онъ ощущаетъ, посылая свои войска лить кровь, хотя и за святое дѣло, и свою увѣренность, что они на войнѣ съумѣютъ покрыть себя новою славой. Офицерамъ же нашей дивизіи Его Величество выразилъ надежду, что полки и въ военное время покажутъ себя столь-же блестательно, какъ всегда представлялись Ему въ мирные дни.

Можно себѣ вообразить, съ какимъ восторгомъ встрѣчали и провожали Государя войска, готовые двинуться въ походъ по первому сигналу.

Черезъ два дня война Турціи была объявлена.

Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи № 34 былъ прочитанъ во всѣхъ эскадронахъ и кромѣ того помѣщенъ въ приказѣ по полку. Съ великимъ вниманіемъ вслушивались Казанцы въ слова того приказа; сердце каждого обливалось кровью, всякий только и думалъ о томъ, чтобы возможно скорѣе перейти границу и „исполнить свой долгъ“.

Около двухъ мѣсяцевъ, однако, пришлось Казанцамъ ожидать своей очереди.

Только 2 и 3 Мая полкъ выступилъ изъ г. Ананьевы на ст. Жеребково и 5-ю эшелонами былъ перевезенъ по Одесской ж. д. до ст. Унгены на границѣ Румыніи; затѣмъ отъ названной станціи полкъ долженъ былъ слѣдовать до ст. Слатина въ Малой Валахіи, но вслѣдствіе телеграммы начальника военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи, переданной комендантомъ ст. Бакеу, что мостъ близъ ст. Соскута испорченъ, полкъ выгрузился 7 Мая на ст. Бакеу и походнымъ порядкомъ черезъ Адъ-Жуди (Браиловъ) 8-го и ст. Плишты (Плешениппы) 9-го прибылъ 10 Мая къ г. Слатину, гдѣ и сталъ бивакомъ съ остальными полками дивизіи и 9 корпуса.

При переходѣ границы имѣлся 3 дневный сухарный запасъ на людяхъ и провіанта въ телѣгахъ на 5 дней, фуражъ на 2 дня.

По прибытіи къ Слатину г.г. офицеры полка числились въ слѣдующихъ эскадронахъ на лицо:

1 эскадронъ командиръ маюրъ Петтемъ, капитанъ Бабичевъ (нестр. ком.), штабсъ-капитаны Толмачевъ I и II, поручики Ильченко (завѣдывающ. оруж.) и князь Шаховской, прапорщики Лунинъ (адъют.), Чуговочниковъ и Бакѣевъ.

2 эскадр. ком. маюръ Стасюкъ, кап. Щеголевъ шт-кан. Красинъ, поруч. Альбовскій, прап. Здановичъ, Орловскій-Волотовскій и Зазулінт.

3 эскадр. ком. маюръ Бѣлозеръ, капит. Подольскій, шт-кан. Тепловъ I и Тепловъ III, прап. Хлоповъ и Карташевскій (казначей).

4 эскадр. ком. маіоръ Тепловъ II Михаиль, кап. Букреевъ, шт.-кап. Тепловъ IV, поруч. Мейеръ I, Зенфировъ, Воейковъ, прал. Нечаевъ и Мейеръ II, шт.-кап. Ивановъ пост. ординарцемъ при ком. дивизіей. Штабъ-офицеры подполк. Добровольский и Бѣлогрудовъ.

На бивакѣ у Слатина люди частью были расположены въ палаткахъ, но большинство подъ открытымъ небомъ, въ 3 верстахъ оть города. Такъ какъ вода въ р. Валахіи была очень мутна и загрязнена глиной, то по указаніи префекта Слатина драгунами былъ вырытъ для водопоя колодезь.

Утромъ 13 Мая былъ высланъ первый офицерскій разъездъ, по распоряженію штаба корпуса, для разведки лѣваго берега р. Ольти отъ Слатина на 30—40 верстъ, для определенія продовольственныхъ средствъ названной мѣстности и сбора официальныхъ свѣдѣній о количествѣ и качествѣ имѣющагося въ селеніяхъ и у помѣщиковъ продуктовъ и зерна, а также воловъ и определенія ихъ стоимости. Былъ командированъ отъ полка капитанъ Бабичевъ, съ вольноопредѣляющимся унтеръ-офицеромъ. Прянишниковымъ, хорошо знающимъ французскій и нѣмецкій языки, и 2 рядовыми.

Въ концѣ Мая и началѣ Іюня производились конныя ученія черезъ день, полковая и бригадная и обученія рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ пріемамъ при орудіяхъ 16 конной батареи. Всѣ парадные кивера сданы мѣстному начальству.

Къ 21 Мая лошади были подкованы кругомъ.

10 Іюня 9 дивизія выступила изъ города Слатина, лѣвымъ берегомъ р. Ольти. Полкъ имѣлъ ночлегъ въ селѣ Катены. Въ аріергардѣ слѣдовалъ 4-й эскадронъ, а въ дежурную часть былъ назначенъ 1-й. 11-полкъ ночевалъ въ д. Алиманишты, 12-въ д. Вислешты (Гильмей), 13-въ д. Слободзей (Сакарчи). Въ этотъ день полкъшелъ въ хвостѣ колонны, впереди обоза 1 разряда дивизіи.

14 Іюня Казанцы и 16 конная батарея по распоряженію главнокомандующаго слѣдовали отдельно отъ дивизіи до с. Пятра по берегу Дунаю; въ авангардѣ слѣдовалъ $\frac{1}{2}$ эскадронъ 4-го эскадрона.

16-го Іюня полкъ пришелъ въ с. Зимницу и сталъ лагеремъ на берегу рѣки Дуная.

18 Іюня полкъ вошелъ въ составъ передового отряда генералъ-лейтенанта Гурко и съ 8 драгунскимъ Астраханскимъ полкомъ и 16 конной батареей составилъ сводную „драгунскую бригаду“, подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества флигель-адъютанта полковника князя Евгения Максимилиановича герцога Лейхтенбергскаго

Въ тотъ же день полкъ представлялся своему новому августѣйшему командиру бригады.

Принять участіе въ трудной и славной переправѣ черезъ Дунай, совершенной 15 Іюня 14 пѣхотной дивизіей, во главѣ которой стоялъ тогда генералъ Драгомировъ, нынѣ командующій войсками Кіевскаго военнаго округа, Казанцамъ, къ сожалѣнію, не довелось.

Только 20 Июня въ понедѣльникъ въ 6 час. вечера бригада наша тронулась къ переправѣ, поднявъ въ Зимницѣ такую пыль, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Спустившись къ Дунаю, перейдя первый маленький мостикъ и вступивъ на островъ, всѣ сразу почувствовали себя какъ то легче,—пыли не было, подулъ прохладный вѣтерокъ. Пройдя на слѣдующій островъ, наконецъ спѣшились. Всю ночь на 21 число полкъ ждалъ своей очереди, и лишь въ 10 час. утра, простоявъ 18 часовъ, потянулись черезъ мость ведя лошадей въ поводу.

Перейдя на правый берегъ Дуная, бригада стала бивакомъ у с. Турко-Слива.

До прибытія генералъ-лейтенанта Гурко къ передовому отряду, временное начальствованіе имъ было возложено на генералъ-маиора Рауха. Начальникомъ штаба драгунской бригады назначенъ подполковникъ Фрезе.

Цѣль дѣйствій передового отряда была выражена въ слѣдующемъ предписаніи полеваго штаба генералу Рауху отъ 20-го Июня изъ Зимницы.

„Великій Князь главнокомандующій даетъ слѣдующее назначеніе отряду: отрядъ долженъ, послѣ переправы черезъ Дунай кавалеріи и болгарскаго ополченія, выдвинуться впередъ въ направлениі Тырново и Сельви (согласно указанного въ прилагаемомъ маршрутомъ), съ цѣлью разведѣть о расположениі противника, собрать свѣдѣніе о дорогахъ въ горы и о состояніи въ настоящее время проходовъ черезъ Балканы и приготовиться къ движенію въ горы.

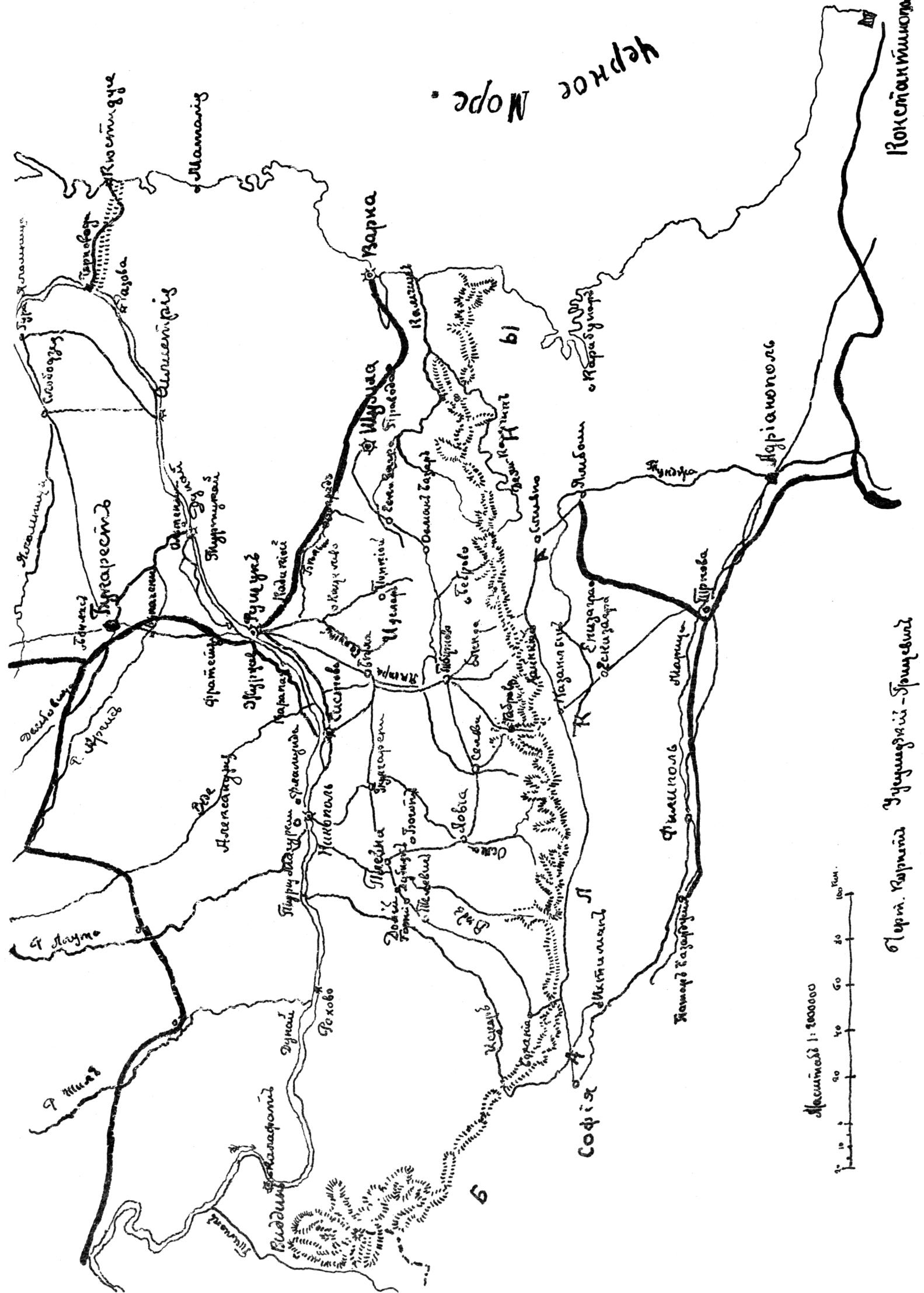
Затѣмъ, когда послѣдуетъ особое приказаніе главнокомандующаго, отрядъ долженъ будетъ выдвинуться впередъ и стараться овладѣть проходами черезъ Балканы, а кавалерію выслать еще далѣе впередъ, съ цѣлью поднять болгарское населеніе, оказать ему поддержку и разсѣять турецкіе отряды, если бы таковые оказались въ незначительныхъ силахъ. Если это будетъ доступно, то подъ прикрытиемъ передового отряда, будетъ приступлено къ разработкѣ путей для возможнаго движенія черезъ горы обозовъ и тяжестей.“

Не успѣла бригада расположиться на отдыхѣ, какъ отовсюду стали являться болгары съ просьбами о защитѣ отъ башибузуковъ и тотчасъ-же по указаннымъ болгарами направлениямъ, посылались разъѣзды. Впослѣдствіи оказалось, что перепуганные военными событиями болгары, дабы привлечь въ свои селенія хотя нѣсколько нашихъ солдатъ для защиты отъ турокъ, нарочно доносили о мнимыхъ появленіяхъ непріятеля въ той или другой мѣстности.

Съ начала вѣрили болгарамъ и не только высыпали много разъѣздовъ, но на ночь выставляли кромѣ сторожевыхъ постовъ, еще цѣпи вокругъ биваковъ, ибо могли ожидать, судя по словамъ болгаръ, даже ночного нападенія.

Такъ, 22 и 23 Июня бивакъ у д. Батаќъ нашего и Астраханскаго полка, 16 батареи и гвардейскаго полуэскадрона былъ оцѣпленъ и днемъ и ночью парными часовыми; на случай тревоги дежурному 3 эскадрону было приказано выходить впередъ на сто шаговъ и стрѣлять залпами.

22 Июня наша бригада тронулась средней колонной на Батаќъ.

67 պր. Բարսեղ Մշշումանցին - Տիգրան

Въ этотъ день, при приближеніи полка къ д. Батакъ наши разъѣзды донесли, что въ деревнѣ непріятельскихъ войскъ нѣть, но что мирные жители, турки, всѣ вооружены и даже открыли пальбу. Былъ посланъ 2 эскадронъ нашего полка, подъ начальствомъ маіора Стасюка, предложить жителямъ добровольно сложить оружіе, грозя въ противномъ случаѣ безпощаднымъ истребленіемъ.

Вскорѣ толпа турокъ высыпала изъ деревни на встрѣчу драгунской бригадѣ. Впереди всѣхъ шелъ старшина селенія, почтенный сѣдой старикъ въ чалмѣ, сохранившій все время спокойный видъ и державшій себя съ достоинствомъ; остальные же турки имѣли перепуганный и растерянный видъ и боязливо жались другъ къ другу.

Когда командиръ бригады, князь Евгений Максимилюновичъ подъѣзжалъ къ группѣ, повидимому уже покоренныхъ турокъ, старшина деревни, предупрежденный переводчикомъ, что это ѳдетъ племянникъ русскаго Государя, еще издали сталъ подходить къ нему съ поклонами, прижимая руки то ко лбу, то къ сердцу, то касаясь ими земли. Закончилъ онъ эту сцену тѣмъ, что приложился къ стременамъ герцога; этимъ онъ выразилъ свое глубокое уваженіе и покорность. По прочтеніи жителямъ прокламаціи о выдачѣ оружія, турки вынесли изъ домовъ все старое и негодное оружіе, большую частью кремневыя ружья и свалили все это въ кучу. Повидимому, дѣло кончилось благополучно. Но когда наши драгуны отправились въ деревню на фуражировку, то турки сейчасъ по нимъ открыли стрѣльбу изъ домовъ. Немедленно была послана партия спѣщенныхъ Казанцевъ, которые окружили одинъ изъ домовъ и, несмотря на стрѣльбу изъ оконъ и дверей, вошли въ него, ранивъ четырехъ турокъ и одну женщину. Изъ слѣдующаго дома турокъ никакъ нельзя было выбить и пришлось домъ этотъ зажечь. Только когда пригрозили туркамъ зажечь всю деревню, они выдали все годное оружіе и въ знакъ полной покорности очистили совсѣмъ деревню и расположились на ночлегъ рядомъ съ нашимъ бивакомъ.

23 Июня полкъ оставался на мѣстѣ.

На другой день, 24 Июня, бригада наша, оставивъ на мѣстѣ обозы подъ прикрытиемъ пѣшихъ людей 4 эскадрона сведенныхъ во взводъ, продолжала движение, не встрѣчая на пути ни войскъ, ни вооруженныхъ жителей, и заняла деревню Мурадъ-бей-Кіой (Мрадего).

До 24 Июня свѣдѣнія о непріятелѣ, получаемыя отъ кавалерійскихъ бригадъ передового отряда, заставляли предполагать, что г. Тырновъ былъ занятъ и что около него возводятся укрѣпленія.

На самомъ дѣлѣ въ Тырновѣ находилось пять таборовъ съ 6-ю горными орудіями и 400 челов. конницы и, сверхъ того, туда же должны были прибыть еще шесть баталіоновъ изъ Османъ-базара. Но такъ какъ тогда казалось, что всѣ собранныя свѣдѣнія не имѣли достаточно опредѣленнаго характера, въ виду того что партии башибузуковъ не пропускали нашихъ разъѣздовъ до города, необходимо было принять энергичныя мѣры для выясненія обстановки.

Имѣя въ виду важное значеніе г. Тырнова, какъ ключа къ горнымъ прохо-

дамъ чрезъ Балканы, начальникъ передоваго отряда рѣшилъ произвести 25 и 26 Июня усиленную рекогносировку этого города. Во исполненіе этого рѣшенія драгунскую бригаду въ составѣ $2\frac{1}{2}$ эскадроновъ Казанцевъ, 3-хъ эскадроновъ Астраханцевъ съ гвардейскимъ полуэскадрономъ и 16 конной батареей—всего 6-ть эскадроновъ и 6 конныхъ орудій предположено было направить отъ Мурадъ-бей-Кіоя (Мрадего) чрезъ Михальцы, Ялары, Карабунары (Карабунаръ) и Бѣляковцы къ Тырнову съ западной его стороны. Къ Михальцамъ, въ ближайшій резервъ, былъ назначенъ Киевскій гусарскій полкъ и 10 донской батареи 2 орудія. 25 Июня генераль Гурко прибылъ въ д. Мурадъ-бей-Кіой съ тѣмъ, чтобы находиться при нашей драгунской бригадѣ и лично убѣдиться въ томъ, что дѣлается въ Тырновѣ. Ровно въ 6 часовъ утра къ нашему биваку прибылъ генераль Гурко въ сопровожденіи своего помощника генераль-маюра Рауха, начальника штаба полковника Нагловскаго, принца Батенберга и свиты.

Выслушавъ отъ князя Евгения Максимилюновича докладъ о донесеніяхъ разъѣздовъ и познакомившись съ командирами частей, генераль Гурко сѣлъ на коня и поѣхалъ къ бригадѣ. Здороваясь съ людьми, генераль своимъ громкимъ, энергичнымъ голосомъ обращался съ краткими, но сильными словами къ каждой части отдельно.

„Вамъ, г.г. офицеры,“ говорилъ генераль, „напоминаю, что никогда русскій солдатъ не бросалъ своего офицера, слѣдовательно, если вы впереди, и они будутъ за вами.“

„Драгуны“, продолжалъ генераль, „помните до какой чести вы дослужились: изъ всей русской арміи васъ выбрали первыми, чтобы перейти Балканы; такъ докажите, что вы заслужили довѣріе нашего Государя; будьте молодцами.*“

Святые чувства русскаго человѣка были мѣтко задѣты генераломъ; сердце дрожало отъ хорошихъ, благородныхъ влечений. На лицахъ многихъ было замѣтно нервное подергивание мускуловъ.**)

Полкъ, оставивъ въ Мурадъ-бей одинъ эскадронъ для прикрытия обоза, въ составѣ бригады двинулся съ генераломъ Гурко во главѣ къ Тырнову. Пройдя д.д. Михальцы и Яларъ, бригада подошла къ д. Карабунаръ. Около 12 ч. съ вершины большой горы, находящейся близъ д. Карабунаръ, генераль Гурко замѣтилъ на противоположномъ возвышенномъ краѣ равнины, лежащей у подножія упомянутой горы, скопленіе большой массы турецкой кавалеріи (около полка), движавшейся отъ Сельви къ Тырнову. Такъ какъ спуски съ горы были крайне тяжелые, то движеніе всего отряда по равнинѣ было небезопасно, пока не было известно, какія именно силы собраны у непріятеля. Гурко пріостановилъ бригаду на высотѣ д. Карабунара и выслалъ взводъ своднаго гвардейскаго полуэскадрона въ равнину, а остальные части колонны остались на дорогѣ, выдвинувъ на вершину горы, для оказанія помощи гвардейскому взводу, два орудія 16 конной батареи подъ прикрытиемъ спѣшеннаго 2 эскадрона Казанцевъ. Непріятель въ числѣ бо-

*) Воен. Сборн. 77—8—204.

**) Сб. воен. разск. I, 35.

лье 300 всадниковъ двинулся противъ нашего взвода, который, вызвавъ впередъ наездниковъ на рысяхъ, смѣло двинулся впередъ. Но замѣтивъ значительное превосходство непріятеля, желавшаго окружить его съ обѣихъ сторонъ, взводъ остановился, отошелъ нѣсколько назадъ, спѣшился и завязалъ перестрѣлку съ непріятелемъ, который также спѣшился и открылъ огонь. На выручку гвардейскаго взвода были послѣдовательно спущены въ равнину остальной взводъ гвардейцевъ и 1 и 2 эскадроны нашего полка. Турки, замѣтивъ движение нашихъ эскадроновъ, повернули назадъ и начали уходить по направлению къ Тырнову. Конно-артиллерійский взводъ и спѣшенный 2 эскадронъ открыли по нимъ огонь и заставили ихъ бѣжать.*)

Такъ какъ теперь можно было убѣдиться, что у непріятеля, кроме бѣжавшей кавалеріи, ничего здѣсь не было, то генералъ Гурко, оставивъ сотню 26 Донскаго полка съ 2 кон. орудіями у Карабунара, на случай прикрытия отступленія, съ драгунской бригадой и 3 сотнями продолжалъ движение въ Бѣлоковцу (4 версты къ С.-З. отъ Тырнова **).

Въ 4 часу вечера колонна начала подходить къ Тырнову, расположенному по обоимъ берегамъ р. Янты, въ глубокой котловинѣ, окруженной балканскими предгорьями. Для подступа къ городу была избрана сѣверная грунтовая дорога, какъ проходящая по болѣе удобной и возвышенной мѣстности.

Войска подходили къ Тырнову въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой линіи гвардейскій полуэскадронъ и 1 и 2 эскадроны Казанцевъ, прикрытые цѣпью наездниковъ, за серединой 3 эскадронъ, во второй линіи Астраханскій полкъ и 4 эскадронъ нашего полка, присоединившійся на пути изъ Муратъ-бeya, 3 сотни 26 Донскаго полка и 16 батарея ***).

При нашемъ приближеніе непріятель очистилъ городъ и отступилъ къ югу, занявъ позицію на правомъ берегу рѣки, откуда открылъ по нашимъ войскамъ артиллерійский огонь. Кроме того на дорогѣ, ведущей въ Османъ-базаръ, была замѣчена большая колонна, двигавшаяся отъ Тырнова къ востоку.

Все это показывало, что непріятель настѣ боится, не выдержитъ натиска нашихъ войскъ. Поэтому генералъ Гурко рѣшилъ обратить усиленную рекогносцировку въ серьезное наступленіе и занять немедленно городъ. 16 конной батареѣ приказано выѣхать на позицію на высоту западнѣе Тырнова, а нашъ полкъ былъ выдвинутъ на рысяхъ къ неподалеко находившемуся лѣсу, гдѣ спѣшился для прикрытия обоихъ фланговъ батареи.

Выѣздъ батареи на позицію и движение впередъ спѣщенныхъ драгунъ нашего полка были чрезвычайно затруднены тѣмъ, что вся мѣстность была обработана подъ виноградники и пересѣчена множествомъ каменныхъ стѣнокъ; пришлось двигаться по узенькой дорожкѣ, затѣмъ, свернувъ влѣво, подставить правый флангъ

*.) Зыковъ, I - 141.

**) Воен. Сборн. 77 г.—8—205. Лееръ, Энциклопедія. Т. VII, стр. 620.

***) Воен. Сборн. 77 г.—8—205, 206.

выстрѣламъ непріятеля. Не смотря на это подполковникъ Бѣлогрудовъ съ нашимъ 3 эскадрономъ первый достигъ упомянутой высоты и тотчась же занялъ ее.

Вслѣдъ за эскадрономъ командиръ 16 батареи подполковникъ Ореусъ лихо вывелъ свои орудія, осыпаемыя гранатами, на позицію и открылъ чрезвычайно мѣткій огонь, который скоро ослабилъ огонь непріятельской батареи, а черезъ полчаса послѣ этого и совсѣмъ прекратилъ его; батарея снялась съ позиціи и потянулась по дорогѣ на Османъ-базаръ. Тогда наша батарея направила выстрѣлы на непріятельскую пѣхоту, открывшую весьма частую стрѣльбу, какъ по спѣшеніемъ Казанцамъ, такъ и по артиллеріи, не смотря на огромную дистанцію — болѣе 2000 шаговъ.

Между тѣмъ къ батареѣ этой подошли остальные части: спѣшиенные 1 и 2 эскадроны нашего полка и дивизіонъ Астраханцевъ подъ общимъ начальствомъ командира полка полковника Корево. Полковникъ Корево съ двумя эскадронами Астраханскихъ драгунъ на лѣвомъ флангѣ и двумя эскадронами своего полка на правомъ спустился съ горы и сталъ энергично наступать, подвигаясь мимо южной окраины къ рѣкѣ Янтрѣ и осыпая пулями непріятельскихъ стрѣлковъ. Турки, угрожаемые огнемъ нашей батареи и драгунъ, смѣло подвигавшихся впередъ, не выдержали и стали отходить на кладбище и далѣе на востокъ, оставивъ у подножія холма лишь незначительную часть пѣхоты, засѣвшую за окопы и продолжавшую стрѣлять по нашимъ.

По всему было видно, что непріятель отступаетъ, а потому было приказано всѣмъ войскамъ двинуться впередъ; одна сотня 26 Донского полка и слѣдомъ за ней эскадронъ Казанцевъ и Астраханскій полкъ были посланы на рысяхъ осмотрѣть и занять городъ. Непріятель сталъ очищать городъ и въ безпорядкѣ отступать. Такъ какъ наши коноводы были далеко за городомъ, то вначалѣ полкъ двинулся впередъ пѣшкомъ; вскорѣ послѣ того какъ полкъ сѣлъ на коней командиръ полка полковникъ Корево получилъ приказаніе съ 1 и 2 эскадронами своего полка, гвардейскимъ полуэскадрономъ, 2 сотнями казаковъ и 2 орудіями — преслѣдовывать непріятеля на переправу р. Янtry.

Перейдя на правый берегъ р. Янtry въ бродъ, полковникъ Корево открылъ орудійный огонь по отступавшимъ непріятельскимъ колоннамъ, которые вскорѣ обратились въ бѣгство, кидая по дорогѣ ружья, патроны и амуницію. До этого времени самый городъ молчалъ. Жители съ замираніемъ сердца ждали конца боя и не подавали и признаковъ жизни. Съ нашихъ позицій замѣтны были только кучки людей, перебѣгавшихъ по улицамъ, и массы жителей, стоявшихъ на крышеахъ домовъ.

Но только что началось отступленіе турокъ, какъ вдругъ со всѣхъ колоколенъ города понесся навстрѣчу нашимъ радостный звонъ колоколовъ, и болгары стали посыпать намъ возгласы радости и махать бѣлыми платками.

Моментъ былъ торжественный! Гуль орудій, звонъ колоколовъ, трескотня ружейной пальбы и крики радости — все сливалось въ одинъ общій, невыразимый шумъ...

Отступлениe турокъ было такъ быстро, что гражданскій губернаторъ Тырнова Саибъ-паша бѣжалъ изъ города пѣшкомъ по направлению къ Еленѣ, не дождавшись лошади.

По всему пути валялись теперь трупы убитыхъ турокъ, свидѣтельствовавшіе о настойчивости преслѣдованія. Казаки вмѣстѣ съ драгунами и артиллеріей преслѣдовали непріятеля на протяженіи десяти верстъ. Опасаясь утомить драгунъ, сдѣлавшихъ пѣшкомъ уже около 15 верстъ, имъ было наконецъ послано приказаніе прекратить преслѣдованіе.

Въ наши руки достался весь турецкій лагерь, большиe боевые и продовольственные запасы, много оружія и одно знамя, тщательно спрятанное въ палаткѣ.

Въ самомъ городѣ у монастыря полкъ наткнулся на цѣлый складъ военныхъ вещей.

У турокъ въ бою было 5 батальоновъ, 400 арнаутской конницы и 6 горныхъ орудій.

За столь легкую уступку Тырнова начальникъ турецкихъ войскъ въ Тырновѣ полковникъ Гамди-бей былъ преданъ военному суду. Такимъ образомъ въ этотъ день полкъ съ разсвѣта до вечера былъ подъ сѣдломъ, безъ отдыха, воды и корма, при очень сильной жарѣ. Потери при взятіи Тырнова незначительны: убито 4 лошади.

За первое дѣло — 25 Июня награждены: командиръ полка полковникъ Корево золотымъ оружіемъ, подполковникъ Бѣлогрудовъ — чиномъ полковника, командиры 1 и 2 эскадроновъ маіоры Петтемъ и Стасюкъ — св. Владимира 4 степ., командини 3 эскадрона маіору Бѣлозеру — св. Анны 2 ст., капитану Щеголеву — св. Владимира 4 ст., адъютанту штабсъ-капитану Менцикову — чинъ капитана, штабсъ-капитаны: Тепловъ III, Толмачевъ I и II, Ивановъ, поручикъ Ильченко и прапорщикъ Хлоповъ — св. Станислава 3 ст., всѣмъ съ мечами и бантомъ. Прапорщику Здановичу, Орловскому, Волотовскому, Пуговочникову и Бакѣеву — св. Анны 4 ст. Приказомъ по сводной бригадѣ: охотникъ Иванчинъ-Писаревъ и 3 эскадрона вольноопредѣляющійся Викторъ Марковъ — за храбрость произведены въ унтер-офицеры

Потрудились Казанцы, оправдали слова генерала Гурко и были за то щедро награждены Государемъ Императоромъ.

Мы были первыми русскими солдатами, вошедшими въ г. Тырновъ. Надо было видѣть съ какой непріятворной радостью встрѣчало настѣ населеніе города, собравшееся на главной улицѣ. Болгары всѣ отъ мала до велика, обливаясь слезами радости, становились на колѣни при видѣ своихъ братьевъ — свободителей отъ звѣрствъ турецкаго ига. Каждый старался чѣмъ только могъ выразить свою благодарность, кто несъ вино, воду и варенье, кто хлѣбъ, фрукты, закуски, а женщины и дѣти буквально забрасывали цветами и букетами, цѣловали руки офицерамъ и солдатамъ. Слышались неумолкаемые крики ура, браво, „да живіо, царь Александръ, и всички войници“, „добре дошелъ“ — словомъ восторгъ болгаръ былъ

полный и каждый изъ участниковъ этого вступленія переживалъ хорошія минуты въ своей жизни.

26 Іюня оставались на бивакѣ у г. Тырнова.

Не смотря на утомленіе людей, драгунская бригада 27 Іюня была послана съ приказаніемъ—продвинуться по Османъ-базарской дорогѣ къ д. Добридоль и разведѣдать о непріятелѣ. Разѣзды наши донесли, что отступившіе турки ночевали наканунѣ въ д. Кезрова, гдѣ ихъ было болѣе 2000 человѣкъ при 6 орудіяхъ и 26-го отошли на Османъ-Базаръ.

Къ ночи полкъ расположился бивакомъ у монастыря Св. Николая, гдѣ и простоялъ 28 и 29 числа.

28 Іюня въ г. Тырновъ прибѣжали жители деревень—Власецы, Лефеджи, Трембети и Кадыкіоя, лежащихъ къ сѣверо-востоку отъ Тырнова,—съ просьбой защитить ихъ отъ партій черкесовъ и бashiбузуковъ, грабившихъ мѣстныхъ жителей и, сверхъ того, важнымъ извѣстіемъ о томъ, что около д. Кадыкіоя собрался обозъ въ 2000 подводъ, уходившій изъ Систова и Тырнова.

Генераль Гурко тотчасъ-же приказалъ драгунской бригадѣ выслать отъ себя сборный эскадронъ отъ Казанцевъ и Астраханцевъ черезъ Хазаревицу въ вышеупомянутыя деревни съ цѣлью разогнать бashiбузуковъ и отобрать турецкій обозъ или по крайней мѣрѣ уничтожить его. Во исполненіе этого предписанія сборный эскадронъ драгунъ подъ начальствомъ полковника Бѣлогрудова отправился въ тотъ же день 28 Іюня по указанному направленію, къ д. Кадыкіой.

Вотъ что рассказывалъ на слѣдующій день одинъ изъ участниковъ—нашъ драгунъ. „Подошли мы, Ваше Благородіе, къ деревнѣ, какъ прозванье-то . . . запамятали, ужъ было темно. А за деревней-то бashiбузуки эти составили свои телѣги и ночуютъ за ними. Вотъ полковникъ Бѣлогрудовъ тотчасъ спѣшилъ и повелъ въ штыки. Мы это идемъ, а они нась сразу-то въ темнотѣ и не замѣтили, а замѣтны имъ стали, какъ совсѣмъ уже близко подошли. Мы крикнули „ура“, а они въ нась изъ подъ телѣгъ стрѣлять стали въ самый упоръ. Телѣгами-то такъ обставились, что туда къ нимъ во внутрь и не залѣзешь: такъ вотъ всѣ подъ телѣгами сидять. Какъ ударишь штыкомъ подъ телѣгу, такъ онъ тамъ какъ звѣрь и зареветь. Позабавились мы маленько такимъ манеромъ съ ними, ну они бѣжать. Тутъ намъ сборъ проиграли, мы и стали собираТЬся. Собрались, а вахмистръ говоритъ полковнику; одного, Ваше Высокоблагородіе, нѣту. Ну, извѣстно, не оставлять-же своего хотя и мертваго, въ басурманскихъ рукахъ. Пошли мы съизнова на обозъ, товарища искать, можетъ они надъ нимъ ругательства творили, пошли мы, а они опять подъ телѣгами собрались. Тутъ сердце взяло за товарища: ужъ тутъ то мы ихъ за то и почистили. Ну одного у нась еще убили, да двухъ ранили, а тѣло мы все таки нашли. Отогнали мы изъ отъ этого самаго обоза, а они бѣжать да въ горы. Ну что съ ними дѣлать-то оставалось? Темно, ни зги не видать. Взяли да и вернулись“.

29 Іюня полковникъ Бѣлогрудовъ возвратился въ Тырновъ со сборнымъ эс-

кадрономъ и съ телѣгой, обложенной вѣтвями, въ которой везлись тѣла двухъ убитыхъ Астраханскихъ драгунъ.

Донесеніе полковника Бѣлогрудова было совершенно сходно съ вышеприведеннымъ разсказомъ.

Овладѣвъ Тырновомъ, войска передового отряда стали близко у главной своей цѣли—у подножія Великихъ Балканъ. Теперь имъ предстояло преодолѣть самую страшную преграду на пути русскихъ войскъ—исполинскія выси и кручи Балканскихъ горъ, и овладѣть главными проходами въ нихъ, или горными дорогами. Для движенія за Балканы бытъ избранъ Хайнкійской проходъ, т. е. путь ведущій отъ Тырнова черезъ Присово, Плаково, Войнежа (Вайнешти), Райковцы и Паровцы на Хайнкій въ долину Тунджи. Путь этотъ ни на какихъ картахъ не былъ обозначенъ. Этотъ проходъ считался особенно трудно доступнымъ; турки никогда его не посѣщали, и онъ считался ими проклятымъ, такъ какъ, по преданіямъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ этимъ проходомъ двигалась большая турецкая армія, которая погибла въ немъ вся до единаго человѣка. Съ тѣхъ поръ, по словамъ болгаръ, ни одинъ турокъ не рѣшается вступить въ коварный Хайнъ Базаръ (ущеліе Хама). „Кто пойдетъ черезъ Хайнкійской проходъ, того ждетъ несчастье“, гласить извѣстное турецкое изрѣченіе *).

Наканунѣ выступленія начальникамъ отдѣльныхъ частей было приказано немедленно заготовить для людей пятидневный запасъ сухарей, подъ названіемъ „пай неприкосновеннѣйший“; во время же движенія командиры должны были проводольствовать свои части на счетъ страны, уплачивая за все деньги изъ находившихся въ ихъ распоряженіи суммы. Для кавалерійскихъ лошадей также приказано было заготовить трехдневный запасъ зерноваго фуража. Весь колесный обозъ рѣшено было оставить въ Тырновѣ.

Въ диспозиціи на 30 іюня, кроме назначенія сборнаго пункта и порядка движенія, было объявлено распоряженіе о нарядѣ нижнихъ чиновъ къ орудіямъ.

Во все время слѣдованія по Хайнкійскому ущелью при каждомъ орудіи должны были находиться по 15 человѣкъ пѣхоты, или кавалеріи. Люди эти, вмѣстѣ съ артиллерійской прислугой, должны были помогать переходу орудій черезъ горы. Шефіе, куреніе табаку, разговоры всѣмъ нижнимъ чинамъ безъ исключенія запрещалось, безъ особаго на то разрѣшенія начальника отряда.

28 Іюня начальникомъ конницы передового отряда былъ назначенъ князь Николай Максимилиановичъ, начальникомъ штаба подполковникъ Сухотинъ **).

Всѣ эти приготовленія приказано было дѣлать въ совершенной тайнѣ. Цѣль и направленіе движенія пока ни кому не были объявлены.

30 Іюня полкъ, отправивъ въ г. Тырновъ весь свой колесный обозъ, подъ начальствомъ капитана Бабичева, къ одинадцати часамъ утра прибыль на сборный пунктъ къ д. Присово. Кромѣ самаго необходимаго изъ вещей, взятыхъ на выюки,

*) В. Крестовскій, 20 мѣсяцевъ въ дѣйств. армії.

**) Воен. Сборн., 77 г., 11 - 29.

ни у кого лишняго ничего не было. Большинство офицеровъ,—въ виду дороговизны животныхъ и отсутствія выюковъ,—выступили совершенно налегкѣ.

Полкъ нашъ вошелъ въ составъ колонны (главныхъ силъ), предводительствуемой генераломъ Гурко.

Къ 16 конной батареѣ были назначены нижніе чины по 10 человѣкъ на орудіе, въ помощь прислугѣ.

Въ 3 часа дня отрядъ пришелъ въ д. Плацово, гдѣ войскамъ былъ данъ привалъ, не встрѣтивъ ни одного турецкаго солдата.

Отъ этой деревни дорога становилась круче и круче, четырехколесные артиллерійскіе ящики начали уже отставать. Съ каждымъ шагомъ путь становился живописнѣе; пробивавшіеся съ шумомъ ручьи, поросшіе густымъ лѣсомъ обрывы, безконечный видъ холмовъ и вершинъ чрезвычайно разнообразили путь.

Погода стояла прекрасная; въ воздухѣ царила ненарушимая тишина и спокойствіе. Наши драгуны щекали бодро и весело. На ночлегъ главныя силы остановились у Средней-Колибе (Коссибе) около 10 ч. вечера, хотя Гурко въ этотъ день расчитывалъ дойти до Войнешти, но этого не удалось сдѣлать, вслѣдствіе поздняго выступленія изъ Тырнова.

Ночь съ 30 Июня на 1 Июля была холодная и сырая. Отъ нашего полка къ сторонѣ г. Елены были выставлены, по указанію подполковника Фрезе,—посты на ночь.

1-го Июля въ 7 ч. утра главныя силы продолжали движеніе, имѣя впереди себя въ верстахъ 25 конно-піонеръ подъ начальствомъ генерала Рауха; скоро войска вошли въ Хайнкійское ущелье. Тутъ начались трудности горнаго прохода; подъемъ на крутые, длинные скаты былъ до крайности утомителенъ для лошадей и помогавшихъ имъ людей; иногда приходилось идти по такому мѣсту, что орудія вмѣстѣ съ тащившими ихъ людьми едва не срывались въ пропасть. Почти все время пришлось орудія тащить на рукахъ. Цѣлый день въ проходѣ только и слышно было: „Ну, братцы, навалимъ . . . , два . . . , три . . . бери“! нагайки Ѣздовыхъ прыгали по лошадямъ, орудіе подвигалось на нѣсколько шаговъ и снова останавливалось.

Такимъ образомъ, останавливаясь почти на каждомъ шагу, передовой отрядъ растянулся верстъ на двадцать.

Около часу дня 1-го Июля генералъ Гурко прибылъ въ м. Паровцы и сдѣлалъ большой привалъ до 5 ч., для отдыха и варки пищи.

Въ 5 часовъ отрядъ двинулся далѣе и вступилъ въ самую трудную часть пути. Орудія втачивали наверхъ съ величайшимъ трудомъ; два конныхъ орудія оборвались и упали съ лошадьми въ кручу, но, къ счастью, Ѣздовые остались живы, орудія цѣлы и только двѣ лошади ободрали себѣ бока до костей. Потомъ ихъ по руслу ручья присоединили къ отряду. Подъемы были такъ высоки, что трудно было сидѣть верхомъ на лошадяхъ, а приходилось идти пѣшкомъ, взявшись за хвостъ лошади и подгоняя ее впередъ, и такимъ образомъ взбираться на высоты.

Каменистая дорога была причиной того, что лошади безпрестанно теряли подковы; къ концу выхода изъ ущелья подковы сдѣлались положительной драгоценностью, а конские гвозди покупались чуть-ли не на вѣсъ золота.

Подвигаясь съ нечеловѣческими усилиями впередъ по каменистому дну глубокаго ущелья, отрядъ нашъ въ то же время на каждомъ шагу прислушивался не притаился ли гдѣ нибудь непріятель. Съ нетерпѣніемъ и невольнымъ страхомъ посматривали солдаты по сторонамъ на эти мрачные крутыя обрывы и скалы. „Уже ли пропустятъ“??! не вѣрилось солдатамъ, и каждому невольно приходило на умъ „а что какъ и въ самомъ дѣлѣ засядутъ басурманы на этихъ кручахъ, вѣдь и ружей не надо, камнями забросають“! Но кругомъ, по прежнему, все было мертвое и тихо. Угрюмые скалы и кручи горъ поднимались все выше и выше и надвигались со всѣхъ сторонъ. Надъ головой, мѣстами, виднѣлся ужъ только маленький кло-чекъ бѣловатаго неба.

Вечерѣло. Скоро и совсѣмъ наступила ночь. По сторонамъ весь лѣсъ загорался фантастическими огнями; вездѣ на вѣтвяхъ, на дорогѣ и даже на камняхъ горѣли изумрудные огоньки свѣтиящихся жуковъ. Лошади не на шутку перепугались свѣтляковъ и пугливо водили ушами, горячаясь и сбиваясь на рысь. Трудно стало различать хорошую дорогу отъ дурной.

Наконецъ сдѣлалось такъ темно, что уже шли положительно ощупью, на каждомъ шагу останавливаясь и осматриваясь, какъ бы не свалиться въ пропасть.

Скоро уже ничего не было видно, кроме двухъ стѣнъ ущелья. Подъ ногами глубоко внизу шумѣль ручей; лошади хранили, напрягая вниманіе и держа ухо на сторожѣ. Вдругъ лошадь остановится, вытянетъ шею, понюхаетъ и отшатнется въ сторону,— и во время, еще одинъ шагъ и она бы была въ пропасти.

Часамъ къ 12 ночи головная колонна достигла наконецъ бивака конно-пѣнеръ, недоходя 10 верстъ до выхода изъ ущелья. Весь передовой отрядъ растянулся въ горахъ верстъ на двадцать и въ такомъ растянутомъ походномъ порядке войска наши расположились на ночлегъ на самой дорогѣ, тамъ, гдѣ застала ихъ ночь.

Нашъ полкъ съ 16 конной батареей ночевали за переваломъ. И эта ночь, какъ и предыдущая, была холодная и сырая. Запрещено было громко разговаривать, курить, разводить огонь. Люди поѣли въ сухомятку сухарей и легли спать, или вѣрнѣе дремать, не раздѣваясь, держа въ поводу коней съ отпущенными подпругами, въ ожиданіи разсвѣта, прямо на тропинкѣ, которая начала уже лѣпиться карнизомъ по скаламъ.

2 Іюля, чуть свѣтъ, отрядъ продолжалъ движеніе съ тѣми же затрудненіями какъ и наканунѣ. Утромъ генералъ Гурко съ авангардомъ отбросилъ турокъ, занялъ южный выходъ изъ Балканъ и остановился у д. Хайнкіой, чтобы подтянуть весь свой отрядъ. Нашъ полкъ съ княземъ Евгеніемъ Максиміліановичемъ, оставилъ драгунскую бригаду въ хвостѣ колонны, спустившись съ перевала и обойдя казачью бригаду къ 11 ч. утра прибылъ къ биваку у д. Хайнкіой.

Многими не забудется забота о довольствіи передового отряда генераль-адъютанта I. В. Гурко. Полкъ нашъ и 16 конная батарея въ этотъ день расположились бивакомъ на голыхъ галоахъ (мелкие, почти шлифованные камешки). Уже стемнѣло, когда прибѣжалъ ординарецъ отъ командира полка и объявляетъ сидѣвшей компании офицеровъ, что требуютъ полкового квартирмистра поручика Толмачева. Не прошло и полъ часа, какъ онъ возвращается съ сіяющимъ лицомъ; компания офицеровъ еще не разошлась, и онъ во всеуслышаніе объявляетъ: „г.г., я никогда не думалъ, чтобы то, что я сейчасъ дѣлалъ, доставляло мнѣ столько удовольствія, больше даже, почтенія къ себѣ, и все это изъ уваженія къ генералу и расположения къ вамъ всѣмъ, господа“! Общий вопросъ: что же ты дѣлалъ?! „Я? я пригналъ съ моимъ вѣстовымъ въ полкъ и нашу батарею двѣ овцы и ягненка“. „Откуда же ты ихъ взялъ?“ „Получилъ ихъ при дѣлежѣ, сдѣланномъ лично самимъ генераломъ;—словомъ, это было такъ: собрались всѣ квартирмистры къ его ставкѣ во дворикъ, гдѣ стоитъ небольшая болгарская изба; минутъ 10 не выходилъ онъ, съ кѣмъ то, кажется, съ начальникомъ штаба былъ занятъ. Дворикъ небольшой и въ немъ по одну сторону воротъ стоимъ мы — офицеры, а по другую штукъ 12—15 мелкаго скота. Наконецъ выходитъ самъ генералъ и поздоровавшись, съ улыбкой обращается къ намъ:— „я, господа, позвалъ васъ къ себѣ вотъ зачѣмъ: казакамъ удалось захватить отъ турокъ вотъ этотъ скотъ, у васъ же въ частяхъ, я знаю, ни у кого нѣть мяса, вотъ и подѣлимся, что бы ни кому не было обидно.“ За симъ началъ спрашивать насть, варять ли уже солдаты горячую пищу и сколько въ частяхъ на довольствіи людей и тутъ же приступилъ къ дѣлежу скота, при этомъ я говорю: „ваше превосходительство, нужна еще прибавка“, „почему?“, — „при нашемъ полку довольствуется и 16 конная батарея“, „это иное дѣло“ и прибавилъ еще одну маленькую овцу; переспросилъ еще насть устали-ли мы въ походѣ и отпустилъ съ добычей. Да, господа, я сказалъ, чтобы въ каждомъ эскадронѣ и батареѣ оставили по куску и офицерамъ, значитъ и мы поѣдимъ шашлыка за здоровье генерала“! Офицеры, слушая, заволновались, восторгаясь простотой обхожденія генерала и заботой его о лучшемъ кусочкѣ для отряда, и разошлись съ общимъ рѣшеніемъ: пояснить всѣмъ низкимъ чинамъ о случившемся, чтобы они толкомъ поняли какъ о нихъ заботятся..

3 Іюля были высланы отъ передового отряда на разведку 2 сотни 26 Донского полка по направлению къ г. Сливно; по приближеніи къ д. Твардицѣ казаки эти неожиданно наткнулись, къ югу отъ этого селенія, на 400 человѣкъ турецкой кавалеріи, за которыми слѣдовало три табора пѣхоты, при 6 орудіяхъ Завидѣвъ казаковъ, турки сейчасъ же выслали башибузуковъ и черкесовъ и открыли огонь изъ орудій. Казаки вынуждены были остановиться, спѣшились и завязали перестрѣлку съ непріятелемъ, пославъ просить подкрѣпленія. На помощь казакамъ сначала были высланы сотня Уральцевъ и 4 сотни 26 полка.

Около 4 час. дня генераль Гурко, услыхавъ выстрѣлы въ направлениі деревни Запанлы, выслалъ на выручку казакамъ 9 драгунскій Казанскій полкъ съ 4 орудіями 10 Донской батареи и бригаду болгарскаго ополченія.

По приближениі нашихъ драгунъ къ Твардицѣ они увидѣли къ югу отъ этого селенія непріятельскую конницу, пѣхоту и батарею. Командиръ полка полковникъ Корево тотчасъ же построилъ свой полкъ въ боевой порядокъ, выдвинулъ орудія на позицію и открылъ по турецкой кавалеріи ружейный и артиллерійскій огонь.

Черкесы при одномъ видѣ драгунъ сейчасъ же ускакали подъ прикрытиемъ своей батареи и пѣхоты, батарея прекратила огонь, снялась съ позиціи и стала отходить, за ней стала отходить и турецкая пѣхота.

Чтобы нагнать непріятеля, былъ выдвинутъ съ фронта 4 эскадронъ Казанцевъ подъ начальствомъ маіора Михаила Теплова.

Прискакавъ въ селеніе Твардицу, драгуны были вновь остановлены огнемъ турокъ, остановившихся на второй позиціи, но не на долго. Маіоръ Тепловъ, спѣшивъ свой и часть 1 эскадроновъ и строго запретивъ стрѣлять до особаго приказанія, повелъ Казанцевъ, безъ выстрѣла, въ штыки; одновременно съ этимъ 4 орудія 10 батареи, занявъ позицію правѣе деревни, открыли по непріятелю продольный огонь, Уральцы двинулись справа, а Донцы слѣва, . . . а верстахъ въ 3 позади нашей позиціи показались дружины болгарскаго ополченія. При видѣ этой безмолвной атаки, турки, давъ всего два залпа по 4 эскадрону, не выдержали болѣе и начали отходить. Тогда весь полкъ бросился ихъ преслѣдовывать и захватилъ знамя, часть обоза и артиллерійскіе припасы. Непріятеля гнали болѣе чѣмъ на протяженіи десяти верстъ *).

Погоня эта продолжалась до наступленія глубокой темноты, и утомленные Казанцы вернулись на бивакъ въ Хайнкіой—только около часу ночи. Въ этотъ день въ стычкѣ съ турками были убиты 3 лошади.

Во время преслѣдованія: младшій вахмистръ 4 эскадрона Павелъ Халиченко и рядовые: Варфоломей Машиновскій, Петръ Николаенко и Иванъ Журавлевъ отбили у турокъ знамя, убивъ при томъ четырехъ турокъ.

Съ великой радостью и гордостью доставилъ на бивакъ и на другой день передалъ командиру полка—маіоръ Тепловъ захваченное знамя, добытое его младцами драгунами. Всѣ четыре были за это награждены имянными знаками отличия военнаго ордена 4 степ., а затѣмъ главнокомандующимъ и 3 степени.

Отбитое знамя было сдано командиромъ полка въ полевое комендантское управление дѣйствующей арміи въ С. Стефано.

4-го Іюля въ 6 час. утра нашъ полкъ выступилъ изъ Хайнкіоя по дорогѣ на Казанлыкъ, находясь въ лѣвой колоннѣ подъ начальствомъ Князя Николая Максимилюновича Лейхтенберскаго, составленной изъ драгунской бригады, Киевскихъ гусаръ, 16 батареи, 4 сотень 21 Донскаго полка и гвардейскаго полуэскадрона.

Кавалерія наша слѣдовала по лѣвому берегу рѣки Тунджи, сталкиваясь почти постоянно съ непріятелемъ.

Нашъ полкъ этотъ день былъ въ резервѣ; при занятіи Уфлани пѣхотой (15 стр. бат.) наша колонна шла на рысяхъ верстахъ въ трехъ слѣва, огибая дерев-

*) Мещерскій. Сборникъ военныхъ разск. Дневникъ офицера 3 Іюля.

ию Уфлани, и какъ разъ вынеслась на выбитыхъ съ первой позиціи турокъ. Князь Николай Максимилиановичъ, по приближеніи своемъ на высоту лѣска къ востоку отъ названного селенія, засыпавъ сильную перестрѣлку между нашей правой колонной и непріятелемъ, немедленно выслалъ 2 эскадр. Астраханцевъ и 2 конныхъ орудія, черезъ деревню, для атаки непріятеля на правый флангъ, самъ же, съ остальной кавалеріей и 3-мъ эскадрономъ нашего полка, построивъ боевой порядокъ, двинулся рысью далѣе въ обходъ селенія Уфлани, съ тѣмъ чтобы атаковать непріятеля въ случаѣ отступленія его къ Казанлыку.

Одинъ нашъ 4 эскадронъ, высланный изъ главныхъ силъ на поддержку сильныхъ Астраханцевъ, при занятіи лѣса близъ д. Уфлани, спѣшившись вошелъ въ рощу съ другой стороны и началъ съ неменьшимъ усердіемъ истреблять сидѣвшихъ на деревьяхъ башибузуковъ. По занятіи Уфлани, конница наша немедленно двинулась далѣе на Маглишъ тремя колоннами.

Въ лѣвой колоннѣ слѣдовало по одному эскадрону Астраханцевъ и Казанцевъ и полуэскадроны Гвардейскій и Киевскихъ гусаръ; колонна продолжала выбивать турокъ изъ селеній вдоль Тунджи. Въ составъ средней колонны, которая шла полями между Тунджеемъ и горами, вошли остальные эскадроны нашего полка. Хотя при движениі кавалеріи имѣлось въ виду преслѣдовати непріятеля, но оказалось, что турки, въ числѣ пяти таборовъ, были совершенно отброшены въ горы и только на горахъ показывались отдѣльные кучки людей, отъ времени до времени открывавшихъ стрѣльбу по нашимъ войскамъ. Не обращая вниманія на этотъ фланговый огонь, конница продолжала движеніе къ Маглишу, пославъ по пути нѣсколько гранатъ въ горы. Около 7 часовъ вечера полкъ прибылъ на бивакъ къ Маглишу. Усталые и голодные люди, какъ только были поставлены на мѣсто, тотчасъ повалились спать не думая о пищѣ. Утомленіе было такъ велико, что на привезенное болгарами изъ Маглиша вино никто не обратилъ вниманія и оно осталось нероспитымъ. Все спало мертвымъ сномъ и только конные посты бодрствовали.

Командиръ 4 эскадрона маіоръ Тепловъ—за дѣло 4 іюля у Уфлани награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ, а офицеры того же эскадрона поручики Зенфировъ и Мейеръ (Георгій) и прапорщикъ Карташевскій—св. Анны 4 степ.

Въ 5 ч. утра, 5 іюля, весь передовой отрядъ снова двинулся къ Казанлыку. Непріятель былъ близко, а потому выступали въ боевомъ порядке. Воіска шли тремя колоннами: средняя,—генерала Цвѣцинскаго (5 бат. и 10 кон. оруд.), при которой находился генералъ Гурко, двинулась по большой дорогѣ, вдоль подошвы высоты; правая—(1½ бат. и 1 сотня) направилась горами; лѣвая колонна, въ составъ которой вошли: нашъ полкъ, Киевскій гусарскій, Астраханскій, 5 сотни казаковъ и 16 батарея—должна была наступать вдоль лѣваго берега р. Тунджи. Не успѣли наши войска отойти и 3 верстъ отъ Маглиша, какъ передъ нашей средней колонной, верстахъ въ восьми впереди города Казанлыка, на большой

дорогѣ, въ садахъ и на возвышеностяхъ у с. Уфландыркій показался непріятель. Около 7 час утра завязался артиллерійскій бой нашей средней колонны.

Лиши только разорвалась первая непріятельская граната, какъ въ нашей лѣвой кавалерійской колоннѣ, выступившей изъ Маглиша, согласно диспозиції, часомъ позже пѣхоты и только что начавшей вытягиваться съ бивака, заслышали выстрѣль въ направленіи деревни Уфландыркій; тотчасъ же понеслась по рядамъ команда „рысью“! Кавалерія развернулась и пошла въ обходъ деревни. Гвардейскій полуэскадронъ и три эскадрона Кіевскихъ гусаръ неслись въ первой линіи; нашъ полкъ и 16 батарея шли на рысяхъ влѣво, уступомъ назадъ. Астраханцы въ полковой колоннѣ двигались въ общемъ резервѣ. Казаки слѣдовали впереди въ разсыпную, занимая фронтъ отъ рѣки Тундже до горъ.

Въ такомъ порядкѣ кавалерія наша шла на рысяхъ бодро, какъ на военномъ полѣ, по долинѣ Тундже, въ обхватъ праваго фланга непріятеля. Только изрѣдка небольшія канавы и ручейки заставляли уменьшать ходъ. Стройное движение 14½ эскадроновъ кавалеріи напоминало въ этотъ разъ мирное ученье на маневрахъ, когда всѣ части одновременно совершаютъ построение по командѣ начальника. Намъ пришлось постоянно перемѣняться и, искусно маневрируя, быстро спускаться съ горы на гору.

Скоро боковыми разыѣздами было дано знать о присутствіи нѣсколькихъ сотенъ башибузуковъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ садахъ и деревняхъ по лѣвому берегу Тундже. Поэтому, сначала одинъ эскадронъ Кіевцевъ, а потомъ еще два эскадрона нашего полка были высланы для очищенія мѣстности отъ башибузуковъ. Для содѣйствія же пѣхоты, наступавшей по большой дорогѣ на селеніе Уфландыркій, были двинуты два орудія 16 конной батареи капитана Усова подъ прикрытиемъ 1-го эскадрона Казанцевъ. Остальная кавалерія, съ однимъ нашимъ эскадрономъ, двинулась далѣе къ с. Карганли.

Наши эскадроны, высланные влѣво, послѣ ряда стычекъ и свалокъ съ пѣшиими и конными башибузуками, засѣвшими въ кустахъ и виноградникахъ, отогнали ихъ за рѣку Тунджу.

Взводъ капитана Усова съ нашимъ 1-мъ эскадрономъ, высланные вправо для содѣйствія пѣхотѣ, вмѣстѣ съ казачьими сотнями подошли къ самому селенію Уфландыркій и, послѣ свалки въ рощѣ, успѣли только опрокинуть прикрытие непріятельской артиллеріи, послѣ чего турки начали поспѣшно отступать, увозя свои орудія къ Казанлыку.

Правая колонна въ тоже время стала обходить непріятельскую позицію. Послѣ этого турки начали отступать по всей линіи, уходя частью по склону горъ. За деревней Карагали турки были настигнуты нашей кавалеріей, шедшей на рысяхъ, но атака отступавшаго непріятеля была на этотъ разъ невозможна, такъ какъ турки замѣтивъ нашъ обходъ и видя, что на дорогѣ имъ грозить конница, тотчасъ же бросились въ кусты и виноградники, прилегающіе къ дорогѣ и покрывающіе склоны горъ, частью же массами поднялись на самые горы, откуда от-

крыли по насъ ружейный огонь. Тогда вызваны были на позицію остальныя два взвода 16 конной батареи, которые лихо вынеслись за дер. Карганли и начали обдавать картечью толпы турокъ, заставляя ихъ еще поспѣшнѣе отступать.

За деревней Карганли городъ Казанлыкъ быль уже ясно видѣнъ; Киевскіе гусары съ 4 орудіями подполковника Ореуса, а вслѣдъ за ними и остальная наша кавалерія, зайдя правымъ плечомъ впередъ, двинулась къ Казанлыку.

По приближеніи къ городу, шедши въ авангардѣ гусары были встрѣчены огнемъ пѣхоты, занявшей справа отъ города склонъ горы, и огнемъ двухъ турецкихъ орудій, съ непонятной быстротой успѣвшихъ отойти къ Казанлыку и стать на восточной окраинѣ города.

Вскорѣ командиръ Киевскаго гусарскаго полка пріостановилъ полкъ, въ виду слуховъ о томъ, что городъ хочетъ сдаться. Тотчасъ были посланы парламентеры, для переговоровъ о сдачѣ. Но къ общему удивленію турки отвѣчали нашимъ парламентерамъ выстрѣлами и заставили ихъ вернуться обратно.

Тогда Князь Николай Максимилианович Лейхтенбергскій, вызвавъ 16-ю батарею на позицію, спѣшилъ нашъ полкъ, 21 Донской и одинъ эскадронъ Киевцевъ и двинулъ ихъ на непріятеля съ фронта съ восточной стороны города. Остальныхъ гусаръ и Астраханцевъ направилъ въ обходъ съ юга; противъ сѣверо-восточной части города быль выдвинутъ 14 Стрѣлковый баталіонъ.

Такимъ образомъ наши войска постепенно охватывали городъ съ трехъ сторонъ. Было около 12 часовъ дня. Турки еще продолжали отстрѣливаться изъ города, совсѣмъ потонувшаго въ садахъ. Конныя орудія наши каждую минуту пускали гранаты и подвигались впередъ. Ружейный огонь нашихъ цѣпей рисовался круговою линіею мелкихъ дымковъ; все ближе и ближе сдвигая кругъ, подавалась цѣпь стрѣлковъ 14 баталіона и спѣшенныхъ драгунъ нашего полка и гусаръ...

Взятие города было уже несомнѣнно...

14 баталіонъ выбилъ турокъ изъ сѣверо-восточной окраины города и захватилъ два брошенныхъ ими орудія.

Кievцы и Астраханцы, двинувшіеся въ обходъ съ юга, наткнулись въ самомъ началѣ на обширное болото, почему драгунамъ пришлось остановиться. Гусары взяли болѣе короткое направленіе на монастырь и, выйдя съ юго-западной стороны, наткнулись неожиданно на турокъ, засѣвшихъ въ домахъ; пришлось спѣшиться и вступить съ ними въ бой.

Въ то время спѣшенные эскадроны нашего полка приблизились къ городу съ фронта, къ восточной его окраинѣ и смѣло войдя въ нее, сбили непріятеля у опушки городскихъ садовъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки городъ выслалъ парламентеровъ, предложившихъ сдачу его. Съ восточной и южной сторонъ города вышли жители съ бѣлыми флагами... и сдача его состоялась. Тотчасъ былъ посланъ въ Казанлыкъ полковникъ Корево со своими спѣшеными драгунами, которые быстро оцѣнили плѣнныхъ, захватили запасы продовольствія и очистили городъ отъ разбѣжавшихся турокъ. Въ тоже время вся остальная кавалерія дви-

нұласъ на рысяхъ черезъ городъ. Высланные тотчасъ разъѣзды въ направленияхъ на Карлово и Шипку нигдѣ уже не нашли непріятеля. Оказалось, что турки, отрѣзанные совершенно нашими восками отъ Шипки,—обратились въ самое беспорядочное бѣгство, направляясь по одиночкѣ въ горы, причемъ бросили и 3-е свое орудіе.

Такимъ образомъ непріятель былъ окончательно разбитъ, причемъ на долю кавалеріи передового отряда выпала завидная доля занять второй (послѣ Тырнова) турецкій городъ.

При взятии города Казанлыка раненъ рядовой З эскадрона Семенъ Фоминъ пулей въ ногу на вылетѣ; не смотря на боль въ ногѣ и большую потерю крови, Фоминъ отказался отправиться на перевязочный пунктъ и до конца дѣла оставался въ рядахъ своего эскадрона, за что и былъ награжденъ именнымъ отличіемъ военнаго ордена 4 степени, № 38194. Въ тотъ же день убита одна лошадь 1-го эскадрона.

Несмотря на крайнее утомленіе кавалеріи, уже съ 5 ч. утра отъ самаго Маглиша слѣдовавшей на рысяхъ безъ дорогъ, по нахоти и виноградникамъ, князь Николай Максимилиановичъ тотчасъ же по овладѣніи городомъ направилъ свою кавалерію за Казанлыкъ; послѣ часового отдыха, наша конница двинулась далъе. Прямо черезъ поля по кратчайшему направлению къ деревнѣ Шипкѣ пошла драгунская бригада съ артиллеріей.—Въ два часа дня Киевскіе гусары, слѣдовавши впереди, напали на турецкій лагерь врасплохъ и захватили телеграфную станцію. Въ три часа дня подошла на рысяхъ наша бригада и заняла окраину деревни Шипки, причемъ овладѣла огромнымъ транспортомъ съ галетами. Деревня Шипка богатое селеніе, дворовъ въ 300. Жители—болгары, пораженные неожиданнымъ появлениемъ русскихъ, выбѣжали навстрѣчу кавалеристамъ. Къ вечеру подошла сюда и пѣхота.

Утомленный отрядъ нашъ расположился, наконецъ, на ночлегъ у деревни, вблизи брошенныхъ турками превосходныхъ палатокъ съ большимъ запасомъ одѣяль... Но солдаты все равно не могли воспользоваться ими, такъ какъ перевозить все это было не на чемъ, а одну ночь побаловать себя не стоило. И стояль себѣ этотъ лагерь, чуть ли не седьмой по счету изъ взятыхъ передовыми отрядомъ, пустымъ, а солдаты по прежнему легли спать на голой землѣ подъ открытымъ небомъ.

Въ ночь съ 5 на 6 Июля цѣлью сторожевыхъ постовъ къ сторонѣ непріятеля занималь нашъ 2-й эскадронъ. Во время перестрѣлки съ черкесами былъ раненъ въ плечо пулей на вылетѣ рядовой Степанъ Зарубинъ, который не оставилъ строя до смѣны эскадрона, несмотря на уговариванія своего командира, маіора Стасюка, отправиться для перевязки на бивакъ къ полку, за что и былъ впослѣдствіи награжденъ именнымъ Георгіемъ 4 степени.

Для очистки мѣстности въ тылу нашего отряда отъ непріятельскихъ засадъ былъ высланъ 6-го утромъ 4-й эскадронъ маіора Теплова и двѣ сотни казаковъ, которые и прошли облавой всю подозрительную мѣстность.

Въ тотъ же день, вслѣдствіе полученнаго донесенія о сборѣ нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты на Травнинскомъ перевалѣ, былъ посланъ въ деревню Янину, расположеннную при входѣ въ этотъ перевалъ, полковникъ Корево съ своимъ Казанскимъ полкомъ и со взводомъ 16 конной батареи, чтобы перехватить непріятеля при спускѣ съ горы; но оказалось, что турки спускались у этой деревни только по одиночкѣ или небольшими кучками.

Въ теченіи всего дня наши разъѣзды отовсюду приводили плѣнныхъ.

Къ ночи нашъ полкъ сталъ бивакомъ у с. Янинь.

7 Іюля полкъ оставался у с. Янинь, высылая сильные разъѣзды къ Казанлыку и Шипкѣ.

8 было получено приказаніе перейти обратно къ Казанлыку, гдѣ и расположиться на отдыхѣ по квартирамъ въ городѣ.

Здѣсь полкъ простоялъ и весь день 9 Іюля.

10 Іюля, въ Казанлыкѣ явилась депутація отъ болгаръ изъ гор. Ески-Загры, съ просьбой занять городъ нашими войсками. По приказанію генерала Гурко съ бивака былъ немедленно высланъ Казанскій драгунскій полкъ со взводомъ 16 конной батареи и сотнею казаковъ, въ Ески-Загру, для занятія этого города. Казанцы въ тотъ же день вступили въ Ески-Загру, при чёмъ были встрѣчены восторженною толпой горожанъ—болгаръ; захвативъ телеграфную станцію, разрушивъ телеграфную линію и принявъ сданное жителями мусульманами оружіе, расположились на бивакѣ у города.

На другой день, 11 Іюля, прошелъ слухъ о появлѣніи новыхъ турецкихъ таборовъ на Іенизагрской желѣзной дорогѣ и о сосредоточеніи у самого города Іени-Загры многочисленнаго отряда, подъ начальствомъ Рейфа-паши. Тогда немедленно былъ высланъ нашъ полкъ, два орудія 16 конной батареи и сотня казаковъ подъ начальствомъ полковника Корево, при генерального штаба подполковникѣ Фрезе, на Филиппопольскую желѣзную дорогу къ станціи Каяджикъ, съ цѣлью разрушить ее и помѣшать подвозу турецкихъ войскъ къ Малымъ Балканамъ.

Отрядъ полковника Корево, подойдя къ рѣкѣ Марицѣ, увидѣлъ на другомъ берегу близъ полотна желѣзной дороги партіи баши-бузуковъ. Для того чтобы ихъ отбросить, былъ высланъ 4 эскадронъ маіора Теплова; эскадронъ лихо переплылъ рѣку, прогналъ башибузуковъ и даль возможность динамитчикамъ приступить къ разрушенію желѣзнодорожной станціи Каяджикъ со службами. Нѣсколько небольшихъ мостиковъ и полотно желѣзной дороги на нѣсколько верстъ были испорчены; начальникъ станціи, какой то нѣмецъ изъ Дармштадта, служебныя книги, ленты и телеграфные аппараты были арестованы и привезены въ Ески-Загру. Станція со всѣми службами была предана огню.

13 Іюля, въ полдень, отрядъ возвратился въ Ески-Загру.

По приходѣ полка на бивакъ, стало известнымъ, что генералу Гурко 10 Іюля были пожалованы званіе генераль-адъютанта и орденъ св. Георгія 3 ст.; офицеръ главнокомандующаго привезъ 120 знаковъ отличія на весь передовой от-

рядъ за дѣла противъ турокъ въ періодъ времени отъ взятія города Тырнова по 5 Июля (Казанлыкъ).

На долю нашего полка досталось 12 крестовъ по три на эскадронъ; по приговору самихъ нижнихъ чиновъ—за особое мужество были награждены слѣдующіе нижніе чины: 1 эскадрона старшій вахмистръ Алексѣй Рѣпко, унтеръ-офицеры Климентій Литвиненко и Василій Миненко; 2 эскадр. старшій вахмистръ Иванъ Шевченко, взводный вахмистръ Захарій Иваниковъ и ефрейторъ Степанъ Руди жанскій; 3 эскадр. унтеръ-офицеры Иванъ Кудиновъ и Козьма Захаровъ и рядовой Лука Ивченко; 4 эскадр. старшій вахмистръ Иванъ Даньковъ, унтеръ-офицеръ Степанъ Реусъ и рядовой Игнатій Ермаковъ.

